

НОВЫЕ КНИГИ ПО ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

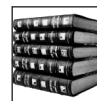
О.П. ПАНАФИДИНА (УКРАИНА)

Читателю предлагается обзор книг по эпистемологии, а также методологии и философии науки на украинском языке, вышедших за последние четыре года. Темы, которые в них затрагиваются, касаются довольно широкого спектра теоретико-познавательных и методологических проблем. Однако большинство работ в этой области, появившихся в последнее время, могут быть отнесены к одной из двух категорий: (1) исследования, осуществляемые в историко-философском ключе, авторы которых, рассматривая те или иные концепции, пытаются одновременно выработать собственный взгляд на исследуемые вопросы; (2) книги, представленные в форме учебной литературы для студентов и аспирантов философских факультетов, в которых авторы критически освещают малоизученные в отечественной философской литературе проблемы, концепции и целые разделы философского знания, формулируя при этом и результаты своих исследований по затрагиваемой проблематике.

Бацевич Ф.С. Философия языка. История лингвофилософских учений (Бацевич Ф.С. Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень. Київ : Академія, 2008. 240 с.).

Ф.С. Бацевич – автор ряда работ по проблемам философского осмысления языка. Данный труд представляет собой первый украинский учебник, предназначенный для студентов и магистрантов как философского, так и филологического факультета, в котором представлено систематизированное изложение наиболее важных направлений исследований философии языка. Автор указывает на то, что в результате характерного для философии XX в. лингвистического поворота философия языка стала неотъемлемой частью практически всех современных философских и лингвистических концепций.

Учебник состоит из четырех разделов. Первый посвящен рассмотрению общих вопросов философской экспликации языка и теоретического языкознания и охватывает такие проблемы, как «модусы

существования» и функции языка, язык как объект философских исследований, представление сущности языка в научно ориентированной философии языка, типология подходов к философии языка, основные понятия и категории философии языка и др. Во втором разделе излагается сущность того, что автор называет «лингвофилософским подходом» к языку, к которому в книге причисляются среди других концепции В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианства в его различных американских и европейских версиях; идеи Ф. де Соссюра и структурализма; генеративная грамматика Н. Хомского. В третьем разделе отдельному рассмотрению подвергаются неокантианская, логико-семантическая, герменевтическая, феноменологическая, коммуникативная и теoантропокосмическая концепции философии языка. И, наконец, последний раздел посвящен вопросам развития исследований в области философии языка в трудах украинских мыслителей, при этом особое внимание уделено учениям Г. Сковороды, А. Потебни, Д. Овсяннико-Куликовского.

Добронравова И.С., Белоус Т.Н., Комар Е.В. Новейшая западная философия науки (Добронравова И.С., Білоус Т.М., Комар О.В. Новітня західна філософія науки. Київ : ПАРА-ПАН, 2008. 216 с.).

Указанная работа представляет собой учебное пособие по западной философии науки 1970–1990-х гг. для студентов и аспирантов философских факультетов. Книга претендует на то, чтобы представить достаточно широкое разнообразие новейших подходов в изучении философско-методологических проблем науки. Особое внимание уде-

ляется анализу натуралистических тенденций, проявляющихся в современной философии науки.

По мнению авторов, начиная с конца 1970-х гг. развитие философии науки определяется дискуссиями между исторически ориентированными подходами и научным реализмом, продолжающим традицию логического позитивизма. В связи с этим рассматривается «историческая метаметодология» Л. Лаудана, различные направления социологической философии науки, приводится обзор новых форм реализма. Главные аргументы реалистов (от унификации, от объяснения, от предсказания) оспариваются антиреалистами, к которым авторы учебника причисляют вслед за Д. Папинью как идеалистов (или верификационистов), отрицающих тезис о независимом от нашего восприятия существовании мира, так и скептиков, не признающих возможность получить какое-либо истинное знание о мире. Не менее важной проблемой новейшей западной философии науки является проблема редукционизма/антиредукционизма, в связи с чем рассматриваются позиции-антиподы С. Вайнберга и Н. Картрайт, которые исходят из принципа «монотеоризма» и «политеоризма» соответственно.

Анализируются также направления, отображающие прагматические и технологические тенденции современной науки и репрезентирующие своеобразный «эмпирический поворот» в философии науки, в частности конструктивный эмпиризм Б. ван Фраассена. Антифундаменталистская установка формирует позицию «метафизического номологического плюрализма» и гетерогенный подход к науке

(А. Файн, Н. Картрайт, Я. Хакинг). Отдельно рассматривается специфика проявления на современном этапе таких методологических традиций, как натурализм (методологический и эпистемологический), физикализм и сциентизм, связанных с попытками пересмотра традиционных философских проблем под влиянием многочисленных научных открытий. Натуралистическая интерпретация сознания и познания предусматривает исследование междисциплинарных проблем, что способствует, с точки зрения авторов, становлению так называемой натуралистической эпистемологии. Она представлена в учебнике прежде всего «физикализмом по отношению к сознанию», эволюционной эпистемологией и смежными с нею эволюционными теориями знания, радикальным конструктивизмом (Э. фон Глазерсфельд), процедурной эпистемологией Дж. Поллока и релейбилизмом А. Голдмана.

Капитон В.П., Панфилов В.А.
Философия науки Нового времени (Капитон В.П., Панфилов В.О. Філософія науки Нового часу. Дніпропетровськ : ДДФА, 2008. 248 с.).

В монографии представлен традиционный ряд мыслителей Нового времени (Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, Г. Лейбниц) и проанализированы общенаучные проблемы, находившиеся в центре их познавательных интересов. Авторы, однако, при рассмотрении обозначенной проблематики попытались выйти за рамки стандартного описательного подхода, определив целью своего исследования выявление глубинных оснований формирования взглядов тех или иных философов.

Поэтому монография была задумана авторами как «широкоплановое и фундаментальное исследование “природы” человека и понимания объективных законов в период становления классического естествознания».

Одной из ведущих идей указанной работы является утверждение, что научная революция XVII в. связана не столько с коренной перестройкой унаследованного знания в целом, сколько с «интенсивным и радикальным углублением знания об окружающем мире». В частности, В.П. Капитон и В.А. Панфилов отмечают наличие космоцентрических, теоцентрических и антропоцентрических черт в структуре научного знания в рамках классического естествознания. Кроме этого, они выделяют три периода становления классической науки. Первый период связан с отказом от аристотелевской физики и космологии и представлен прежде всего учением Галилея, второй – с формированием картезианства как системы мира, и третий – с ньютоновским проектом интеграции математических законов физики и гелиоцентрической модели Вселенной. Поэтому монографическое исследование начинается разделом, посвященным научному методу конструирования законов Галилея, а заканчивается разделом, в котором классическая механика Ньютона предстает в качестве источника теоретического видения и понимания мира, в качестве способа мышления естествоиспытателя.

Достаточно много внимания в монографии уделено антропологической проблематике в ее непосредственной связи со становлением философии и методологии нау-

ки. Рассматривая целый спектр философских учений под этим углом зрения, авторы приходят к выводу, что в XVII в. новое философское мышление было направлено на осмысление безграничных возможностей человека. Решение же психофизической проблемы, с точки зрения В.П. Капитона и В.А. Панфилова, в конце концов привело к созданию классической общей теории познания. В то же время полемик Г. Лейбница с Дж. Локком, Р. Декартом и Б. Спинозой была инспирирована разногласиями по поводу познавательных возможностей человеческого разума, что впоследствии станет предметом размышлений И. Канта.

Лютий Т.В. Разумность неразумного (Лютий Т.В. Розумність нерозумного. Київ : ПАРАПАН, 2007. 420 с.).

Автор утверждает, что современная научная картина мира в значительной степени опирается на принципы картезианской философии с ее преобладанием анализа над синтезом. Как следствие мы имеем, с одной стороны, существенную фрагментацию исследуемой реальности, а с другой – резкое противопоставление категорий научного и ненаучного, шире рационального и иррационального. Новоевропейская наука, фаустовская по своей сути, породила представление о разуме как средстве познания, но в то же время, как считает автор монографии, человек потерял некий «коэффициент духовности» все того же разума.

Как подчеркивает Т.В. Лютий, его цель заключалась вовсе не в призыве к очередному «походу против разума», но лишь в критическом переосмыслении возможностей последнего (в том числе, и в

аксиологическом плане), поскольку вопрос о природе рациональности вышел, по его мнению, за теоретические рамки. Автор делает ударение на необходимости построения некоего «метанаучного» уровня в рамках «критически-рефлексивного подхода» к рациональности, включая научную рациональность. Метафора «разумность неразумного» раскрывает сущность нерационального как промежуточного звена между рациональным и иррациональным, образующего в некотором смысле основу научного знания. Т.В. Лютий предостерегает от распространенных ныне попыток огульного отрицания идеалов рациональности, указывая при этом на многофункциональную рациональность как интегрирующий символ различных типов рациональности – ее своеобразную расширенную модель.

Главный вопрос, который формулируется в книге, – это вопрос о том, как разумное может скрываться за чертами неразумного. Соответственно предметом рассмотрения является прежде всего сам феномен неразумного в качестве социокультурного и антропологического символа некой эвристической ситуации, способствующей появлению новых форм человеческой деятельности, выходящих за рамки технологически-идеологических требований классической рациональности. В книге исследуются также историко-культурные (мифологические, религиозные, социальные, психологические, литературные, искусствоведческие) «преобразованные формы» нерационального и актуализируются смысловые, лингвистические и невербально-телесные структуры «разумного» и «неразумного».

Итак, базовое понятие анализируемого исследования – «разумность неразумного» – интерпретируется автором как символическое выражение полифункциональной рациональности. В данной модели ее познавательная функция выступает одной из равноправных наряду с другими, что и рассматривается Т.В. Лютым в качестве возможной «метатеории» рациональности.

Менжулин В.И. Биографический подход в историко-философском познании (Менжулін В.І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. Київ : Аграр медіа груп, 2010. 455 с.).

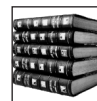
Автор данной работы, которую можно отнести к направлению методологии истории философии, обосновывает правомерность так называемого «биографического поворота» (С. Кричли) в историко-философских исследованиях. Становление философской биографистики в качестве достаточно важной и полноправной составляющей историко-философского анализа должно осуществляться путем последовательного отказа в ее рамках как от культа личности философа, крайним выражением чего может быть его тотемизация, своего рода обожествление, так и от любых табу на какие-либо личностные элементы в истории философии, характерные для академической философии современного типа.

В дискуссии между компартименталистами, стремящимися представить историю философии как историю проблем, и их оппонентами, для которых на первый план выходит история имен, В.И. Менжулин занимает позицию «золотой середины». В частности, он утверждает, что «биографический поворот»

имеет определенный смысл только в качестве дополнения к общепринятым методологическим моделям историко-философского познания и противостоит позиции радикального антибиографизма. Поэтому ключевой методологической установкой биографического исследования должна быть установка не на объяснение идей философа, а на прояснение всей его личности, в результате чего именно за читателем остается первоочередное право интерпретации возможных связей между определенными фактами биографии философа и основными его идеями.

Главным методологическим препятствием на пути реализации биографического подхода, с точки зрения В.И. Менжулина, является «парадокс биографии философа», суть которого сводится к противоречию между уникальностью и неповторимостью каждого отдельного мыслителя, с одной стороны, и невозможностью отказаться от поисков абсолютного и всеобщего – с другой. Существование этого «парадокса» породило альтернативы жанру философской биографистики: антибиографизм и псевдобιοграфизм. Первый ориентируется на табуирование биографических составляющих философии, а второй – редуцирует идеи философов к различного рода внешним проявлениям.

На основе анализа обширного историко-философского материала автор делает вывод, что практически каждая достаточно богатая философская традиция рано или поздно приходит к своему собственному биографическому повороту. Так, многие черты поворота можно обнаружить в работах Ф. Ницше, З. Фрейда, К. Фишера,

В. Виндельбанда, а более зрелые формы – у А.Ф. Лосева, А.В. Гулыги, В.С. Горского и др.

Минаков М.А. История понятия опыта (Минаков М.А. Історія поняття досвіду. Київ : ПАРА-ПАН, 2007. 380 с.).

Монографическое исследование М.А. Минакова имеет в целом историко-философскую направленность и посвящено анализу эволюции понятия опыта в рамках западных философских, в частности теоретико-познавательных, концепций XIX–XX вв., среди которых особое внимание уделяется критической философии Канта, абсолютному идеализму Гегеля, неокантианству, прагматизму, аналитической философии языка, феноменологии и герменевтике. При этом автор рассматривает данное понятие в единстве его метафизического и эпистемологического измерений, избирая в качестве основного метода историко-философского исследования то, что может быть названо «историей понятия». На примере понятия опыта М.А. Минаков иллюстрирует процесс перехода понятия из его инструментального (или атрибутивного) состояния, когда оно является средством истории других понятий, в сущностное состояние, которое позволяет образовать новые понятийно-терминологические ряды, что облегчает процесс его осмысления.

В книге утверждается, что в истории философии сложились две основные традиции теоретической проблематизации опыта: первая – эпистемология опыта – ведет начало от И. Канта и сфокусирована на познавательной проблематике опыта, прежде всего научного, а вторая, которую «с определенной осторож-

ностью можно назвать герменевтикой опыта», – от Г.Ф.В. Гегеля и позволяет осмыслить исторический аспект опыта, его связь с человеческой жизнью и существованием человечества, предоставляет основания для анализа опыта, не ограничиваясь познавательной сферой.

Для иллюстрации процесса осмысления понятия опыта привлекаются философские традиции, в которых опыт играет фундаментально-методологическую роль, тем самым, по мнению автора, демонстрируются «основные регионы топоса опыта». М.А. Минаков приходит к выводу, что после Канта каждый раз, когда концептуально оформлялось новое философское течение, обязательно актуализировалась тема опыта. В неокантианстве, прагматизме, аналитической философии языка, феноменологии и герменевтике позиции философов достаточно сильно отличались в оценке содержания, значения и границ опыта. Тем не менее автору удается проследить, как именно эволюционировало понятие опыта, что позволило определить основные контуры его содержания и возможного использования в различных философских концепциях.

Панич А.О. Исследования по истории скептицизма в британно-американской эпистемологии (Панич О.О. Розвідки з історії скептицизму в британно-американській епістемології. Донецьк : ДонНУ, 2007. 524 с.).

Монография представляет собой первую часть более широкого проекта, посвященную рассмотрению традиции британского скептицизма и его противостоянию познавательному «догматизму». На материале произведений Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма и

Т. Рида автор прослеживает развитие идей скептицизма и антискептицизма в английской философии XVII–XVIII вв. в общем контексте эпистемологических концепций указанных мыслителей. А.О. Панич подчеркивает, что центральной проблемой всей британской эпистемологии является «проблема скептицизма». Обращаясь к вопросам теории познания, каждый из философов так или иначе демонстрировал свое отношение к философскому скептицизму. Поэтому, по мнению автора, всю систему эпистемологических взглядов того или иного британского мыслителя можно рассматривать сквозь призму его отношения к проблеме скептицизма.

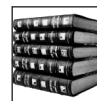
«Левиафан» Т. Гоббса А.О. Панич квалифицирует как одно из наиболее скептически настроенных произведений во всей европейской философии XVII в. Причем скептицизм Гоббса, по классификации автора, относится как к «скептицизму сущности», так и к «скептицизму существования». Более четко ставил проблему Дж. Локк, который акцентировал внимание на таком ее аспекте, как «скептицизм и традиция (бэконовского) эмпиризма», в отличие от проблемы «скептицизм и религия (вера)», интересовавшей Т. Гоббса. Локк изначально стремится ограничить познавательные претензии разума, видя в этом причину скептицизма, однако в конце концов отказывается от первоначального замысла. Согласно А.О. Паничу, автором наиболее радикального в британской философии проекта опровержения скептицизма является Дж. Беркли. Усматривая истоки скептицизма в различении идей и вещей, он предлагает отождествить их, а не превращать идеи в вещи. Анализируя

творческое наследие Д. Юма в плане принадлежности к скептицизму, А.О. Панич утверждает, что оно глубоко противоречиво. Так, Юм начинает с попытки применить эмпирическую методологию к анализу природы человека, однако во второй и третьей книгах «Трактата» осуществляет радикальный поворот от скептицизма к мировоззренческому «реализму». Заканчивается монографическое исследование разделом, посвященным «философии здравого смысла» оппонента Юма Т. Рида, который, стремясь опровергнуть скептицизм, осуществляет первую в Европе попытку исследовать его теоретические и исторические истоки.

Общий вывод, к которому приходит А.О. Панич, сводится к положению, что общими усилиями Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма и Т. Рида «проблема скептицизма» не только была перенесена с французской на британскую почву, но и надолго заняла центральное место в методологической традиции британского эмпиризма, а в дальнейшем и всей британо-американской философской традиции.

Прокопов Д.Е. Интерпретация лжи в европейской философии XVII – середины XVIII столетия (Прокопов Д.Е. Інтерпретація лжи в європейській філософії XVII – середини XVIII століть. Київ : ПАРАПАН, 2008. 428 с.).

Монография Д.Е. Прокопова представляет собой попытку комплексного исследования экспликации феномена лжи в европейской философии Нового времени, которое должно не только расширить представление о модели познания, обоснованной в этом историче-

ском типе философии, но и раскрыть новые аспекты процесса формирования и развития классического типа рациональности.

Автор считает необходимым рассмотреть такие вопросы, как источники происхождения лжи, ее причины, последствия, возможность нейтрализации и т.п. В методологическом плане монография опирается на классическое противопоставление рационализма и эмпиризма, что обуславливает ее структуру. Один раздел работы посвящен интерпретации феномена лжи в рамках рационалистической философии (Р. Декарт, П. Гассенди, Н. Мальбранш, Б. Спиноза, Г. Лейбниц), а другой – теоретическим и методологическим перспективам исследования лжи в эмпирической философии (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, Т. Гоббс, К.А. Гельвеций, Э. Кондильяк).

Д.Е. Прокопов приходит к выводу, что, несмотря на фундаментальные методологические различия, и рационалистическая и эмпирическая традиции при обосновании и объяснении лжи сталкиваются практически с одними и теми же проблемами. Поэтому в центре внимания представителей обеих гносеологических направлений находятся следующие вопросы: (1) каков онтологический и гносеологический статус лжи; (2) каковы причины возникновения лжи («в вещах, чувствах и разуме»); (3) каким способом можно нейтрализовать влияние лжи и ложности на процесс построения универсальной системы научного знания.

Согласно Д.Е. Прокопову, в рамках философских концепций Нового времени ни рационалисты, ни эмпирики не предложили удов-

летворительного варианта решения «универсальной новоевропейской проблемы», каковой, по его мнению, является проблема лжи.

Чуйко В.Л. Когнитивизм как объект когитологии (Чуйко В.Л. Когнітивізм як об'єкт когітології. Ніжин: Міланік, 2007. 148 с.).

Монография посвящена критическому анализу достаточно распространенного в последней трети XX в. когнитивного подхода, представляющего альтернативу различного рода иррационалистическим направлениям в философии науки. Автор признает эвристическую перспективность когнитивизма, однако ограничивает его сферой применения уже известных методов познания. Поскольку когнитивизм, как полагает В.Л. Чуйко, в значительной степени ориентирован на репродуктивное мышление, имитирующее наличные познавательные модели, возникает необходимость разработки иного подхода, который был бы способен адекватно выразить творческие аспекты познавательной и научной деятельности. Реализуя задачу критики недостатков когнитивизма, превращающего человека в объект информационного влияния, В.Л. Чуйко разрабатывает собственный подход, обозначаемый им как «когитивный», который ориентирован не на простое использование методов научного познания, а на их мысленное формирование. Соотнося когитивный и когитивный подходы, автор утверждает, что когитивные ограничения когнитивизма вовсе не следует истолковывать в смысле безусловного опровержения последнего. Если когитивный подход, по мысли автора, успешно реализуется при описании количественных измене-

ний в системе научного знания, то когитивный следует применять, когда возникает необходимость выразить качественные характеристики познавательного процесса. В таком аспекте научное познание предполагает наличие не только формального, но и содержательно-го знания, а также взаимопроникновение научных идей посредством актов творчества.

Таким образом, в книге выдвигается идея исследовательского проекта «когитологии», сквозь призму которой предлагается рассмотреть ряд традиционных теоретико-познавательных проблем, таких, как определение понятия знания, соотношение знания, мнения и незнания, эмпирический и теоретический уровни познания, критерии научности и некоторые другие.